

ОБСУЖДЕНИЕ ИТОВОВ ТВОРЧЕСКОЙ РАБОТЫ ТЕАТРА ЗА 1940 И ПЕРВЫЙ КВАРТАЛ 1941 ГОДА

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЙ НА ОБЩЕМ СОБРАНИИ АНТЕРСНОГО ЦЕХА

ДОЛЖЕН БЫТЬ ЕДИНЫМ КОЛЛЕКТИВ

А. П. ЗУТШКИН

Мне крайне приятно и удручает то, что искусство за выступления товарищей становится коллективом. Это-то и хорошо, что вот, мол, столько выказались по игре, кто-то говорит, что молодой много играет, кто-то говорит, что пришел, эти люди не вошли в коллектив, этого товарища, что это какие-то середнячки... Это происходит на меня ужасное впечатление. Мне кажется, что люди, которые все время подделываются под коллектив, не только обиделись, разругали весь коллектив. Я вот 15 лет в театре и я знаю, что все равно и не могу быть старшим бахтанговцем, потому что я не был при Виталии Бортняковиче. Что же значит и сейчас, что я буду в какой-то другой коллектив?

У нас есть более молодые товарищи — Дерягин, Волков, что же они не бахтанговцы? Они ведь не только строятся в театре, и не только есть хорошие товарищи, и не старшие, но и молодые, хорошие, талантливые работники, а есть же талантливые, молодые товарищи.

Настоят о том, что у нас есть один коллектив бахтанговцев. Все, кто работает в театре Бахтангова, — бахтанговцы! Но не бахтанговцы же должны работать в театре Бахтангова, и производят таких людей не надо!

Игра должен не старый или молодой, а тот, кто достоин по своему творческому росту и талантам. Если он талантлив — он должен играть, если бездарен — он не должен играть.

Теперь, товарищи, мне еще хотелось сказать относительно критики. Мне всегда очень стыдно бывает, когда наши товарищи выступают с таким заявлением, что нас не любят, а нам только относятся критика или Кошкин, или еще кто-нибудь. И думаю, что мы сами прежде всего виноваты в том, что и на нас плохо относятся, потому что прежде всего надо критиковать самих себя, — нас можно жестче критиковать, а не оправдываться.

Два слова о будущем. У нас несколько месяцев тому назад было возмущенное отношение к тому, что у нас работаете 5 имен: «Дон-Кихот», «Максард», «Фрося», «Гарас Бульба», «Учитель» — 5-е имя в работе. А сейчас у нас очень ничего нет, «Учитель» сейчас не работает, «Фрося» сейчас не работает, а то, чтобы вернуться на сцену. Но лица других имен — «Гарас Бульба», нам ничего не сделали. Они сидят на столах, как будто бы и все... Значит, мы опять находимся в таком положении, что в театре ничего нет, все ходит по инерции, а от этого атмосфера плохая. Атмосфера в театре зависит от того, насколько все люди работают много. Если все загружены, все знают какой-то творческой работой, тогда хорошая атмосфера. Если только все ходит, связывается без дела, так сразу атмосфера портится, и другого ничего нет.

Нужно, как можно скорее, брать моря в току, чтобы вывести театр, загрузить актеров работой и тогда можно заставить работать всею творческой работой в театре.

СУДИТЬ СТРОЖЕ

Б. Е. ЗАХАВА

Рубен Николаевич, мне кажется, перебрал длину своей доклад. Начал он еще с установления критерия, по поводу которых можно судить, оценивать нашу собственную работу. Таких критериев по установкам три, совершенно правильных.

Перый — истинность, наша советская, партийная действительность в искусстве.

Второй — важность спектакля, насколько произведения искусства должно быть таким, чтобы оно давало искусство в целом вперед.

Третий — уместность, насколько произведения искусства должно отвечать современным требованиям бахтанговской школы.

И действительно, если бы каждый наш спектакль отвечал всем этим требованиям, то мы могли бы быть совершенно удовлетворены; мы могли бы чувствовать себя глубоко счастливыми.

Но вот дальше Рубен Николаевич попытался осуществить оценку в самонастрой по своим же критериям — это было бы, конечно, справедливо. Но почему на ряд первых названных критериев я замечаю, все доклад, все самонастроило Рубен Николаевич, а коей точки зрения, носил характеру двоякой и условной критерий.

Мне казалось, что Рубен Николаевич не отвечает своим докладом современным творческим потребностям бахтанговского театра, что он не соответствует действительной жизни нашего коллектива на данный момент. Мне же приходится в течение нескольких месяцев — в течение 10 месяцев — в театре Бахтангова видеть самые разнообразные выступления, начиная со старых и кончая новыми, ощущать, что коллектив бахтанговский в состоянии большой творческой и тому же тревоги и выходы, в общем-то, это мне кажется, что оно очень у нас сейчас неблагополучно, и чтобы стало благополучно, нужно быть предельно самокритичными, предельно жесткими по отношению к себе и друг к другу, предельно правдивыми в отношении к самим себе и друг к другу и не ступать самим себе и друг другу ничего.

Я считаю, что Рубен Николаевич переступил предельную грань правды, признавая различные работ принципиальными, он недостаточно требователен.

Я не могу согласиться, что последние наша работа «Дон-Кихот» — принципиальная работа. Принципиальной работой можно назвать только ту работу, которая удовлетворяет критериям, которые сам Рубен Николаевич определил. И мы знаем, что такие принципиальные работы на протяжении 20-летнего пути были «Виршева», это такая принципиальная работа, которая удовлетворяет всем этим требованиям. Тут есть и бахтанговская школа, и бахтанговский ансамбль, и глубокая истинность, ответ на сегодняшние потребности советского зрителя, и этот спектакль вывел вперед искусство нашего театра. Вероятно, то же самое можно сказать еще о нескольких спектаклях нашего творческого пути как работ глубокой принципиальности. Но, говоря о том, что «Перед заходом солнца» — принципиальный спектакль, Дон-Кихот — принципиальный спектакль, говорить о том, что «Учитель» — принципиальный спектакль (а это стоило), по моему, неправильно. Если же принципиальными спектаклями, в них есть достоинства, в них есть недостатки, но с точки зрения критериями они не отвечают.

Если говорить о «Дон-Кихоте», то я должен повторить то же самое, которое я высказывал в художественном совете, зная, которое у меня не возможности: играть плохо, за исключением Рубен Николаевича. Какая же это принципиальность для нашего театра, если худший молодой актер

Маслов, который чудно играет в «Соловьином шашке», здесь играет плохо? Но Виталиановичу возмущает, что он так плохо, начинаю спектакль. И Пановая, и Абрикосов, и Никандров — это способности хорошие актеры, которых я люблю, но они играют в этом спектакле плохо. Какая же здесь принципиальность?

Играет плохо, это значит не живую, не обрывается, не возмущает, не переживает, не чувствует беды от того, что любимый в их семье человек — Алессо Бакано — заболел и что надо что-то предпринять. И в первую очередь людям, что они пойдутся, не верю!

Я считаю, товарищи, что мы со своих принципиальных оценок спрашиваем потому, что мы недостаточно требовательно стали к себе.

У нас должна быть требовательность, организованность коллектива. А вот чтобы организовать коллектив, достаточно много. Обсуждение не только Фелюцкий — художественного совета нет. Это фискаль. Потому что орган, который не имеет никаких прав и обязанностей, который имеет случайный состав — такой орган нежизнеспособен. Директор театра попустуваема непродуктивен его состав, поэтому мы должны иметь в театре, как минимум, тринадцать приглашение людей, не состоящих в совете.

Какой же это художественный совет, который один являю Фелюцкий, а другие нет, одну аккомпанирующую в театре работа, а другие нет. Когда все это после «неблагополучия» случайный характер и никто никакой ответственности за это не несет?

Если мы вспомним наши лучшие спектакли, которые отделили от всех требований, то мы вспомним, что эти спектакли выпускались нашим театром, коллективом, общественно, все люди сюда, занятые, девятая, все люди сюда. А почему же думать, что если организовать работу иначе, организовать ее хуже, то результат будет получаться лучше, как и тогда, когда мы организовывали работу в соответствии с предельными требованиями бахтанговского театра, которые выдерживали каждый день все больше и больше? Нет традиций организационных, потому что нет творческих, одна с другим связана.

Специальный способ, по моему, выйти из того тупого положения, в котором мы сейчас находимся, — это объединение художественного совета, жюри с организационным комитетом и объединением правды и обязанности совет в одном и каждого члена и ответственности в заступки его работы. Мы разрабатываем тех творческих заслуживших помощи театру. Вот что будет лучше, руководству театру.

Рубен Николаевич так успокаивает, а я чувствую в театре тревогу и я думаю по многим глазам людей, а это для меня важно, что театр может выйти из широкого джорту, потому что в театре есть люди, которые дорожат не только своей творческой и финансовой свободой, но и такие, которые боятся за театр, за его жизнь в целом. Но эти люди надо организовать, собрать, дать им права. Надо потребовать от них, чтобы они говорили, чтобы их голоса звучал в театре.

Мне бы хотелось, чтобы Рубен Николаевич был требовательным, чтобы он, не мирясь с посредственностью актеров на сцене, чтобы он судил строже и беспощаднее, а подвигал Рубен Николаевич искусство перебраться по бахтанговским критериям по установкам совершенно правдивые. Вот с этих позиций — он и должен судить о нашей работе.

Мы помещаем сегодня приняты доклады тов. Р. Н. Симонова на общем собрании антерсного цеха, посвященном итогам творческой работы театра за 1940 и первый квартал 1941 года.

Три критерия были выделены докладчиком для оценки нашей работы. Волею произведений искусства ценно тогда, когда из этого произведения искусство необходимо для всего нашего советской действительности — таков первый критерий. Высокое произведение искусства обязательно должно двигать искусство Советского Союза вперед — вот второй критерий. И, наконец, третий критерий — это оценка нашей работы должна проводиться с точки зрения бахтанговских принципов, т. е. с точки зрения раскрытия пьесы, спетивая в бахтанговском понимании.

Все эти определения Рубен Николаевич совершенно верно, но в самом докладе оценки нашей работы подверглись недостаточной критике. Доклад Рубен Николаевича носил слишком успокоительный характер.

Критика была развернута в приемах по докладу. Публикации сегодня выступления товарищей дают богатейший материал для того, чтобы правильно оценить нашу работу в прошлом и неметить правильно наши перспективы.

Задача дирекции, партийной организации, местного и всего творческого коллектива нашего театра заключается в том, чтобы провести в жизнь положения, выложенные на нашем собрании.

ОТВЕТСТВЕННО РАСПРЕДЕЛЯТЬ РОЛИ

З. К. ВАЖАНОВА

Вот товарищи о бахтанговских спектаклях, я считаю, что тот спектакль — бахтанговский, где каждый актер отвечает своим назначением. Это прежде всего ансамбль спектакля. А что же мы видим, когда поговорим все наши спектакли? Ни одного ансамбля, кроме «Булба». Роль распределяется безответственно!

Давайте ругать прессу, но давайте говорить и на себя. За что нас ругают любить? Все нас любил раньше, но в руках пьесы. На что пошла все время за зеркало! Может быть, наши товарищи спектакли не заслуживают рецензий?

О «Дон-Кихоте». Я считаю, что он мог бы быть хорошим спектаклем. Рубен Николаевич играет превосходно. Я ничего не хочу сказать, но, например, с первого же момента идет тон той же Маслов. Он этого делать не может. Я уже не говорю о ряде других депозитов. Это же бахтанговский спектакль!

НА ПЕРВЫЙ ПЛАН — ИНТЕРЕСЫ ТЕАТРА

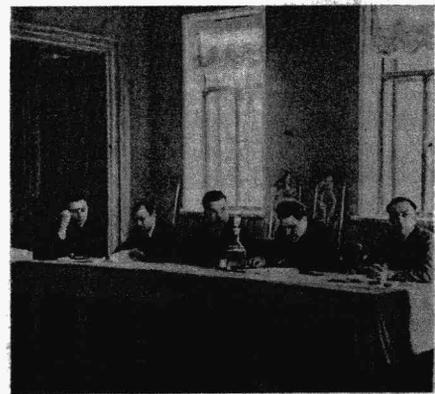
А. Л. АБРИКОСОВ

Что сейчас нужно в театре зритель, массовый? У нас нет хорошей советской пьесы. Это правило. А вот «Гарас Бульба» — почему-то вещь у нас такая, куда-то за задний план?

Это настоящая патристическая пьеса, которая будет чудные эмоции мыслен, воспитывает чувство любви к родине.

У меня в последнее время, особенно очень интересная интуиция от театра: театр находится в очень неблагоприятном состоянии с моей точки зрения.

Необходимо более критически оценивать работу свою и своих товарищей. Нужно думать не об одном человеке, а о театре в целом, если актер, по-прежнему поучает роль, а ней не спрашивается, он должен быть замечен критиком, более способным, независимо от того, бахтангов он или небахтангов.

Ф. Ф. Рыжанин, М. Б. Храпченко и К. Н. Симонен.